

ГРУППОВЫЕ ВОКАТИВЫ В СФЕРЕ ЦЕРКОВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Р.И. Первозванский

Аннотация. Статья посвящена исследованию групповых вокативов в сфере русскоязычной церковной коммуникации. Вокативы рассматриваются как важный элемент речевого взаимодействия, подчеркивается их полифункциональность, а также функциональные и лингвопрагматические отличия от индивидуальных вокативов. Групповые вокативы сферы церковной коммуникации анализируются на материале текстов различных жанров. Выделены ключевые принципы, регулирующие использование вокативов в церковной среде: иерархический и стилистический. На примере групповых вокативов сферы церковной коммуникации («братья и сестры», «с Праздником», «православные», «Христос Воскресе» и др.) показаны как особенности, характеризующие групповые вокативы в целом, так и особенности групповых вокативов православного религиозного лексикона, отражающие специфику религиозной картины мира.

Ключевые слова: коммуникация, обращение, вокатив, адресация, религиозный лексикон, мировоззрение, язык православной сферы.

Для цитирования: Первозванский Р.И. Групповые вокативы в сфере церковной коммуникации // Преподаватель XXI век. 2025. № 3. Часть 2. С. 452–461. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-452-461

GROUP VOCATIVES IN THE FIELD OF CHURCH COMMUNICATION

R.I. Pervozvanskij

Abstract. The article examines the use of group vocatives in Russian-language religious discourse. Vocatives are seen as an essential component of speech interaction, and their multifunctionality is highlighted, as well as their distinctive features compared to individual vocatives. Group vocatives in religious communication are analyzed on the basis of texts from various genres. Key principles governing the usage of vocatives in a religious context are identified, including hierarchical and stylistic considerations. Using examples of group vocatives such as “brothers and sisters”, “Happy holidays”, “Christ is Risen” and others, the article demonstrates both the general characteristics of group vocatives and the specific features of group vocatives used in the Russian Orthodox religious discourse, which reflect the unique characteristics of the religious community.

© Первозванский Р.И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *communication, address, vocative, addressing, religious discourse, worldview, language of the Russian Orthodox sphere.*

Cite as: Pervozvanskij R.I. Group Vocatives in the Field of Church Communication. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education.* 2025, No. 3, part 2, pp. 452–461. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-452-461

Важнейшая составляющая коммуникации между людьми — адресация, т.е. материально выраженное или невыраженное указание на адресата речевого акта. Адресация тесно связана с вокативностью, которую можно рассматривать как прагматическую характеристику слова, определяющую его способность реализовывать вокативную функцию [1, с. 59].

Вокативы, вокативность и адресация неоднократно становились объектом лингвистических исследований. Обращения и вокативы часто рассматривались в связи с существовавшим в русском языке звательным падежом, история которого завершается к середине XVIII в. [2, с. 103]; некоторые ученые считают, что звательный падеж не был утрачен полностью и существует в формах так называемого нового вокатива (под ним обычно понимают усеченные формы имен существительных определенных тематических групп). Исследовались синтаксические свойства обращения и характер его связи с остальным обращением. Так, например, А.А. Шахматов впервые выделил вокативные предложения как особый тип односоставных предложений [3, с. 87]; В.В. Бабайцева вслед за ним разработала учение о вокативных предложениях более подробно (в ее представлении вокативное предложение — «обращение, осложненное выражением нерасчлененной мысли, чувства, волеизъявления» [4, с. 434]). В данной статье мы предлагаем несколько иной взгляд на вокативы, обосновывая выделение как отдельной единицы групповых вокативов (адресованных к группе адресатов) и рассматривая их особенности на примере определенной сферы коммуникации. Таким образом, вокативы анализируются не с точки зрения синтаксиса, а в аспекте лингвопрагматики, что определяет научную новизну исследования.

В лингвистической науке различаются два подхода к определению понятия вокатива и его границ: широкий и узкий. В соответствии с узким подходом к вокативам относят лишь те единицы, которые могут выполнять номинативную функцию, называть того, к кому обращаются с речью (такой точки зрения придерживался, например, О. Есперсен [5, с. 130]). Мы придерживаемся более широкого подхода и вслед за В.И. Карасиком считаем, что вокатив — это вербальный способ выполнения аппеллятивной функции, установления и поддержания контакта между участниками общения [6, с. 194]. В рамках этого подхода ключевой для определения вокатива является именно аппеллятивная функция (другие же функции второстепенны). Иными словами, та единица, которая способна выполнять аппеллятивную функцию, и может считаться вокативом. Подобный подход позволяет включить в состав вокативов и междометия, и некоторые местоимения.

Идентификация адресата речи — не единственная функция вокативов, также им свойственна передача эмоционального состояния говорящего, оценка говорящим

адресата речи [7, с. 193–194]. Полифункциональность вокативов предопределяет большое разнообразие этих единиц и их дифференциацию в различных сферах коммуникации: наряду с универсальными (дискурсивно немаркированными вокативами) существуют обращения, закрепленные за определенной сферой коммуникации (дискурсивно маркированные вокативы) — они хотя и могут использоваться в различных ситуациях, все-таки соотносятся с определенными коммуникативными ситуациями и социолектами.

В зависимости от характера адресата можно выделить индивидуальные и групповые вокативы. Групповые вокативы как особые единицы коммуникации ранее уже рассматривались нами в различных аспектах [8]. Если индивидуальные вокативы используются для апелляции к единственному адресату или ряду отдельных адресатов акта коммуникации, то групповые вокативы служат для номинации единого множества адресатов и установления коммуникативного контакта между адресантом и группой подобных адресатов. Групповым вокативам свойственны особенные функции: обобщающе-собирательная, т.е. объединения адресатов по определенному признаку, при котором игнорируются иные признаки (например, в вокативе *дорогие дамы* — обобщение по гендерному признаку, иные признаки неактуальны), и актуализирующе-ограничительная, т.е. сужения круга адресатов, для которых сообщение актуально (например, вокатив *уважаемые студенты*, используемый в университетском объявлении, указывает на то, что для другой группы потенциальных реципиентов сообщения — преподавателей — оно не предназначено). Эти функции свойственны и индивидуальным вокативам, но в меньшей степени.

Групповые вокативы могут быть выражены именами существительными, в том числе именными группами с различными распространителями, субстантивированными словами других частей речи, междометиями, некоторыми местоимениями. На периферии групповых вокативов находятся единицы, которые в лингвистике иногда называют «нулевыми» вокативами (или «обращениями ко всем» [9, с. 80]): императивы совместного действия (*выполним упражнение!*), императивы адресата (*откройте, пожалуйста*) и др. Следует отметить, что границу между морфологическими подклассами групповых вокативов — междометиями и обращениями — провести однозначно бывает непросто. На наш взгляд, на интерпретацию лексической единицы и ее отнесение к тому или иному классу могут влиять различные факторы, например позиция в высказывании. Так, обращение в интерпозиции функционально в большей степени сближается с междометием, поскольку в меньшей степени коммуникативно и номинативно, а в большей степени дискурсивно; ср.: **Братья и сестры**, приглашаем помолиться вместе с правящим архиереем (из объявления) и *Это, братья и сестры, не такой простой вопрос* (из проповеди). В данной работе мы не стремимся четко разграничить подгруппы групповых вокативов и предлагаем рассмотреть, какие единицы используются в церковной коммуникации в вокативной (или контакто-установительной, или фатической) по отношению к группе функции, и обратить внимание на некоторые особенности употребления таких дискурсивно маркированных групповых вокативов.

Язык православной сферы (или православный религиолект) — относительно устойчивая, социально маркированная подсистема национального языка, обслуживающая речевые потребности ограниченной социальной группы верующих

людей, отражающая теоцентрическую картину мира и характеризующаяся рядом языковых особенностей [10, с. 13]. Тексты сферы церковной коммуникации организованы в довольно сложную жанровую систему, включающую различные богослужебные и небогослужебные, официальные и неофициальные, письменные и устные типы текстов.

Групповые вокативы, которые используются в сфере церковной коммуникации, особенно интересны, так как в этих дискурсивно маркированных единицах отражается специфика языковой картины мира верующих людей, ценностная система представителей церковной общины. Можно говорить о том, что с помощью лексических единиц, маркирующих язык сферы церковной коммуникации, в частности с помощью групповых вокативов, происходит выделение представителей социальной группы и противопоставление их представителям других социальных групп. Цель данного исследования — рассмотреть групповые вокативы сферы церковной коммуникации (на материале русского языка). В связи с этим необходимо определить, какие единицы могут выступать в функции групповых вокативов, на чем может основываться выбор этих единиц, выявить структурные, стилистические и лингвопрагматические особенности групповых вокативов этой сферы, опираясь на структурно-семантический и корпусный методы лингвистического исследования. Источником рассматриваемых в работе примеров употребления групповых вокативов в речи стали художественная и публицистическая литература, материалы СМИ, тексты церковных проповедей и богослужебные тексты.

В сфере церковной коммуникации групповые вокативы обычно регулируются нормами церковного этикета. Основу этой системы составляют два ключевых принципа: иерархический и стилистический. Первый учитывает статус адресанта (того, кто обращается) и адресата (того, к кому обращаются), а также их соотношение в церковной иерархии. Второй принцип связан с выбором языковых средств в зависимости от формата ситуации общения — официального или неофициального. С точки зрения прагматики иерархический принцип в православной традиции делит участников общения на две основные группы: мирян и священнослужителей.

К мирянам, как со стороны самих мирян, так и со стороны священнослужителей, чаще всего обращаются традиционным вокативом *братья и сестры*, подчеркивающим единство церковной общины, идею соборности. Это обращение часто используется с распространителями *возлюбленные, дорогие, во Христе*, порядок слов в нем устойчив, окказиональная инверсия практически не встречается (в отличие от светского группового вокатива *дамы и господа*, допускающего инверсию *господа и дамы*). Вокатив *братья и сестры* может претендовать на статус универсального для сферы церковной коммуникации. Именно из церковной коммуникации он был заимствован светским дискурсом (вспомним обращение к советскому народу И.В. Сталина 3 июля 1941 г.: *Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!* [11, с. 60]). Не рассматривая здесь историю этого обращения, которое неоднократно меняло свою дискурсивную принадлежность [12, с. 92], заметим, что в современном религиолекте сложилось два фонетических варианта этого обращения ([брат'а^в и с'остры] и [брат'а^в и с'эстры]). Фонетическая вариантность может быть связана не только с возрастом или социальным статусом коммуникантов, но и с их идеологическими

предпочтениями, интересами. Если исторически нормативный вариант с [э] может отражать консерватизм говорящего, то вариант с [о] больше распространен, во-первых, в речи молодых священнослужителей и, во-вторых, в речи так называемого прогрессивного духовенства, более лояльно настроенного по отношению к различным культурным нововведениям в церковной среде, и, как можно предположить, к нововведениям языковым.

Известно более формальное обращение к мирянам — *Ваше Боголюбие* — однако современные носители практически не знакомы с этой формой, тем более в функции группового вокатива. Восходящие к ней формы можно встретить в обращениях и проповедях: *Возлюбленные о Господе досточтимые отцы священнослужители, боголюбивые миряне Приднестровского края, дорогие друзья!* [13].

В неофициальном общении возможные формы обращения, в том числе в составных единицах, разнообразнее. Обратим внимание, например, на такое обращение, использованное в речи протоиерея Димитрия Смирнова: *Дорогие мои деточки, друзья-молитвенники, братья и сестры, состояние моего здоровья значительно улучшилось* [14]. В этом обращении сочетаются и уменьшительные формы (*деточки*), и окказиональное сочетание элементов светского (*друзья*) и церковного (*молитвенники*) дискурсов.

Групповые вокативы, которые используются для номинации адресатов из числа священнослужителей, сложнее. *Отцы* — групповое обращение, используемое в неформальной коммуникации, как правило, к лицам, равным по статусу: так могут обратиться священники к священникам или архиереи (лица более высокого духовного сана) к священникам. Эту же форму могут использовать и миряне, обращаясь к группе священнослужителей, при этом этикет рекомендует использовать вместе с обращением и форму *благословите* (которая, в зависимости от ситуации, может быть и реальной просьбой благословения, и дискурсивно-этикетной единицей). *Ваши Преподобия* и *Ваши Высокопреподобия* — групповое обращение к иереям и протоиереям соответственно в официально-деловой речи.

Групповые обращения к архиереям встречаются реже, поскольку архиереев в структуре церкви несравнимо меньше, чем священнослужителей более низких степеней. Наиболее распространена форма множественного числа от официального обращения: *Ваши Преосвященства / Высокопреосвященства*. Менее распространены форма обращения *архипастыри* (используется исключительно как групповое, а не индивидуальное обращение) и неофициальная форма *ладыки*, при которой употребляются распространители *дорогие* или *досточтимые*. Эта форма используется самими архиереями при обращении к равным по статусу.

В жанре церковных проповедей и обращений к пастве (произносимых, например, предстоятелем церкви) часто встречаются многочисленные групповые вокативы, в которых строго последовательно, в соответствии с иерархическим принципом, номинируются разные подгруппы внутри группового адресата, т.е. всей паствы. Например, обращение *Ваши Высокопреосвященства, Преосвященства, дорогие отцы, братья и сестры*, использующееся в проповеди Святейшего Патриарха [15], состоит из пяти таких компонентов. Окказионального нарушения порядка следования компонентов в таких групповых обращениях не наблюдается, что подтверждает сильное влияние внутрицерковной иерархии на выбор языковых средств, используемых в коммуникации.

Заметим, что самостоятельно наименования сана (иерей, протоиерей, епископ и др.) ни в индивидуальных, ни в групповых обращениях практически не используются (такую формулировку могут счесть и неуважительной по отношению к адресату): их включение в обращение допустимо лишь с регулярными этикетными приложениями (*отец протоиерей, владыка архиепископ*), которые называют адресата по отношению к адресанту. Похожая ситуация сложилась и в системе обращений в армии: наименование воинского звания в обращениях стоит рядом с приложением *товарищ* (*товарищ лейтенант, товарищ генерал*).

Существуют в сфере церковной коммуникации и особые обращения к женщинам: мирянам и монашествующим. В качестве регулярного группового обращения по отношению к группе женщин-мирян используется обращения *сестры*, в качестве регулярного обращения к группе женщин-монахинь, в зависимости от их статуса, — *матушки-игумены, сестры наших женских монастырей*.

Групповой вокатив *православные*, несмотря на кажущуюся универсальность номинации и использование этой единицы в самоназвании религиозной группы, употребляется лишь в неформальной коммуникации. Он демонстрирует неполную прагматическую симметрию, которой при противопоставлении вокативам индивидуальным обладают некоторые групповые вокативы. Эта неполная симметрия проявляется в следующем: если групповое обращение *православные* в разговорной речи употребляется достаточно часто (в НКРЯ мы встречаем несколько десятков вхождений, например: *Выходил батюшка в епитрахили и говорил: «Православные, помогите — кто сколько может!»* [16, с. 80]), то это же субстантивированное прилагательное в форме единственного числа как индивидуальный вокатив используется значительно реже (в основном подкорпусе НКРЯ всего один подобный пример: *Невольно припомнишь слова митроп<олита> Платона: «Ври, раскольник, и молчи, православный!»* [17, с. 453]). Несоответствие друг другу этих форм, на первый взгляд различающихся лишь по морфологическому признаку числа, при их использовании в реальной коммуникации можно объяснить потребностью в персонализации речевого акта, предполагающего единственного адресата. Эта потребность диктует предпочтение в индивидуальной коммуникации обобщающему *православные* более персонализированного обращения. И напротив: при обращении к аудитории выбирается единица, номинирующая обобщающий и одновременно важный для коммуникации и воздействия на адресата признак, поэтому в групповой и массовой церковной коммуникации обращение *православные* пусть и не является официальным или универсальным, но употребляется достаточно часто.

Весьма важен в любой церковной коммуникации — как формальной, так и неформальной — вокатив с *Праздником!*, который может быть индивидуальным и групповым. Именно как групповой вокатив эта форма является регулярной и нормативной в жанре церковных проповедей и обращений. Вокативность этой единицы возрастает в случаях, когда данная предложно-падежная форма употребляется без обращений, непосредственно номинирующих адресатов (ср.: *С Праздником* в начале высказывания без номинации адресата и *С Праздником, дорогие братья и сестры!* — с номинацией). Употребление этого вокатива в письменной речи отмечается возникающей оппозицией с его употреблением в нерелигиозном дискурсе: в сфере церковной коммуникации в подобной конструкции нормативно написание

слова *праздник* с заглавной буквы — графическим способом подчеркивается противопоставление светских праздников и их содержания праздникам церковным. Искажения вокатива (например, с *праздничком* или написание со строчной буквы) могут вызвать неодобрительную реакцию адресатов, что подчеркивает дискурсивную маркированность и устойчивость единицы. Хотя этот групповой вокатив может быть употреблен и в иных (нерелигиозных) дискурсах, именно в православном дискурсе он имеет наибольшую актуальность и самостоятельность — по крайней мере, в современной русскоязычной коммуникации.

Среди групповых вокативов, восходящих к богослужебным текстам, можно отметить такие, как *мир всем (мир вам)*, *Христос Воскресе*, *премудрость*, *вонмем*, *братие*, *святии апостоли* / *все святии* / *святии мученицы* и т.д. Для этих вокативов характерно следование лексическим и грамматическим традициям церковнославянского языка — даже в тех единицах, которые образованы недавно (*Святии новомученицы Бутовстии*, *молите Бога о нас!* — прославление бутовских новомучеников состоялось в начале XXI в., примерно с этого же времени складывается соответствующая гимнография). В речи морфологический облик этих вокативов иногда искажается: например, *святии апостолы* вместо *святии апостоли* (встречается в частной молитве и непрофессиональном церковном чтении). Данные групповые вокативы специфичны для богослужебной коммуникации и характеризуются условной ирреальностью адресата, символизацией коммуникации «предстоятель–молящиеся» (в некоторые моменты богослужения священнослужители символически замещают сакральные образы), включением говорящего в состав единого группового адресата (в случае императивов совместного действия — *вонмем*).

С точки зрения наличия или отсутствия ограничений в сфере употребления богослужебные групповые вокативы можно разделить на три группы (это деление касается именно тех групповых вокативов, которые являются богослужебными по происхождению).

Часть из них (такие, как *все святии*) ограничена в сфере употребления — это касается, в первую очередь, вокативов, имеющих в своем составе имя существительное тематической группы «Чин святости», с различными распространителями. Такие вокативы используются исключительно в текстах богослужебных жанров или в частной молитве, также обладающей значительной коммуникативной спецификой.

Другие вокативы (такие, как *вонмем*, *премудрость*) по преимуществу соотносятся с богослужебным дискурсом, но могут употребляться в иной ситуации с дополнительной коннотацией и специализированной коммуникативной целью, например: пародии-стилизации: *Искусственно-глубоким басом кто-то сказал: «Товарища Корсакова в круг! Советский анекдотик!»... Корсаков помолчал и спросил: «Путешествие русского за границу, – не слышали?» — «Нет. Валяйте». Прежний бас: «Вонмем!». Корсаков стал рассказывать* [18, с. 184].

Вокативы третьей группы (такие, как *Христос Воскресе*) по происхождению являются богослужебными и по-прежнему используется в богослужебных последованиях, но активно встречаются и в других типах текстов. В официальных жанрах использование этих вокативов можно считать более регламентированным, чем в неофициальных (например, в Пасхальных посланиях Святейшего Патриарха последних лет вокатив *Христос Воскресе*, как правило, используется в первой половине текста,

но не в абсолютном его начале, а ответ на вокатив *Воистину Воскресе Христос* — в конце текста, перед подписью).

Итак, групповые вокативы, использующиеся в сфере русскоязычной церковной коммуникации, разнообразны с точки зрения лингвокультурологических и лингвопрагматических особенностей, происхождения и употребления. Для вокативов этой сферы характерна высокая степень стандартизованности и традиционности, которая обусловлена иерархичностью церковной общины и необходимостью выбора в общении стилистически корректных средств. Изучение данных единиц выявляет особенности внутрицерковной коммуникации и специфику религиозной картины мира, отражающуюся в языке, в частности иерархичность, регламентированность, консерватизм, идею соборности, противопоставление религиозного и светского дискурсов. Исследование групповых вокативов сферы церковной коммуникации перспективно как в контексте изучения православного религиозного лексикона и других социолектов, так и в контексте изучения групповых вокативов в русле иных лингвистических концепций (структурно-семантической, функциональной и др.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плотникова А.М. Вокативность как словарная и прагматическая характеристика слова // Вестник НГПУ. 2015. №2 (24). С. 58–65.
2. Пляскова Е.А. История обращения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 174 с.
3. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС. 2001. 624 с.
4. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа. 2004. 512 с.
5. Jespersen O. Analytic Syntax. London: George Allen & Unwin, 1937 [Reprinted 1984, Chicago. University of Chicago Press, with an Introduction by James D. McCawley]. 180 p.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
7. Красикова Е.Н., Соцкая Е.В. Функции вокатива в коммуникации // Вестник КГУ. 2014. № 3. С. 193–195.
8. Первозвански, Р.И. Своеобразие групповых обращений в современном русском языке // Русский язык в школе и дома. 2023. Т. 23, № 3. С. 6–8.
9. Голубева Е.В., Ахмадова З.М., Расумов В.М. Типы обращений и их национально-культурная специфика // Вестник КалмГУ. 2020. № 2 (46). С. 78–84.
10. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 48 с.
11. Москва военная. 1941–1945: мемуары и архив. док. / сост. К.И. Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарев. М.: Мосгорархив, 1995. 744 с.
12. Первозванский Р.И. «Братья и сестры»: история страны в истории обращения // Научные труды молодых ученых-филологов: материалы Международной конференции молодых ученых-филологов. Москва, 13–16 октября 2021 г. М.: Литера, 2022. Т. XXI. С. 90–93.
13. Епископ Тираспольский и Дубоссарский Юстиниан обратился к приднестровцам с Рождественским посланием // Новый регион. 2007. 5 янв. URL: <https://point.md/ru/novosti/politika/episkop-tiraspoljskij-i-dubossarskij-yustinian-obratilsya-k-pridnestrovcam-s-rozhdestvenskim-poslaniem/> (дата обращения: 26.02.2025).

14. Священник РПЦ рассказал о состоянии протоиерея Димитрия Смирнова // РИА Новости. 2020. 17 мая. URL: <https://ria.ru/20200517/1571587894.html> (дата обращения: 26.02.2025).
15. Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в Великий Четверток после Литургии в Храме Христа Спасителя // Официальный портал РПЦ (МП). 2024. 2 мая. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/105630> (дата обращения: 26.02.2025).
16. Русь уходящая: рассказы митрополита Питирима (Нечаева) о церкви, о времени и о себе / сост. Т.Л. Александрова и Т.В. Суздальцева. М.: ПСТГУ, 2023. 672 с.
17. Аксаков И.С. Письма к родным, 1849–1856 / изд. подгот. [и примеч. сост.] Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 653 с.
18. Вересаев В. В тупике. М.: RUGRAM, 2022. 246 с.

REFERENCES

1. Plotnikova A.M. Vokativnost kak slovarnaya i pragmaticheskaya kharakteristika slova [Vocativity as a Vocabulary and Pragmatic Characteristic of a Word], *Vestnik NGPU = Bulletin of the NSPU*, 2015, No. 2 (24), pp. 58–65. (in Russ.)
2. Plyaskova E.A. *Istoriya obrashcheniya v russkom jazyke* [The History of Conversion in Russian]: PhD Dissertation, Voronezh, 2002, 174 p. (in Russ.)
3. Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo jazyka* [The Syntax of the Russian Language], 3rd ed. Moscow, Editorial URSS, 2001, 624 p. (in Russ.)
4. Babajtseva V.V. *Sistema odnosostavnyh predlozhenij v sovremenном russkom jazyke* [The System of Monoclausular Sentences in Contemporary Russian]. Moscow, Drofa. 2004, 512 p. (in Russ.)
5. Jespersen O. *Analytic Syntax*. London, George Allen & Unwin, 1937 [Reprinted 1984, Chicago. University of Chicago Press, with an Introduction by James D. Mc Cawley]. 180 p.
6. Karasik V.I. *Jazyk socialnogo statusa* [The Language of Social Status]. Moscow, Gnozis, 2002, 333 p. (in Russ.)
7. Krasikova E.N., Sockaja E.V. Funkcii vokativa v kommunikacii [Vocative Functions in Communication], *Vestnik KGU = Bulletin of KSU*, 2014, No. 3, pp. 193–195. (in Russ.)
8. Pervozvanskij R.I. Svoeobrazie gruppovyh obrashchenij v sovremenном russkom jazyke [The Uniqueness of Group Addresses in Modern Russian], *Russkii jazyk v shkole i doma = Russian Language at School and at Home*, 2023, vol. 23, No. 3, pp. 6–8. (in Russ.)
9. Golubeva E.V., Akhmadova Z.M., Rasumov V.M. Tipy obrashchenij i ih nacionalno-kulturnaja specifika [Types of Appeals and Their National and Cultural Specifics], *Vestnik KalmGU = Bulletin of KalmSU*, 2020, No. 2 (46), pp. 78–84. (in Russ.)
10. Bugaeva I.V. *Jazyk pravoslavnoj sfery: sovremennoe sostojanie, tendencii razvitiya* [The Language of the Orthodox Sphere: Current State, Development Trends]: Extended Abstract of ScD Dissertation. Moscow, 2010, 48 p. (in Russ.)
11. *Moskva voennaja. 1941–1945: Memuary i arhiv. dok.* [Military Moscow. 1941–1945: Memoirs and Archival Documents], comp. K.I. Bukov, M.M. Gorinov, A.N. Ponomarev. Moscow, Mosgorarkhiv, 1995, 744 p. (in Russ.)
12. Pervozvanskij R.I. “Bratya i sestry”: istoriya strany v istorii obrashcheniya [“Brothers and Sisters”: the History of the Country in the History of Conversion]. In: *Nauchnye trudy molodyh uchenyh-filologov: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh-filologov* [Scientific Works of Young Philologists: Proceedings of the International Conference of Young Philologists]. Moscow, October 13–16, 2021. Moscow, 2022, vol. XXI, pp. 90–93. (in Russ.)

13. Episkop Tiraspol'skij i Dubossarskij Justinian obratilsja k pridnestrovcam s Rozhdestvenskim poslaniem [Bishop Justinian of Tiraspol and Dubossary Addressed the Pridnestrovians with a Christmas Message], *Novyi region = New region*, 2007, jan 5. Available at: <https://point.md/ru/novosti/politika/episkop-tiraspol'skij-i-dubossarskij-yustinian-obratilsya-k-pridnestrovcam-s-rozhdestvenskim-poslaniem/> (accessed: 26.02.2025). (in Russ.)
14. Svjashchennik RPTs rasskazal o sostojanii protoereja Dimitrija Smirnova [A Priest of the Russian Orthodox Church Spoke about the Condition of Archpriest Dimitri Smirnov], *RIA Novosti = RIA News*, 2020, may 17. Available at: <https://ria.ru/20200517/1571587894.html> (accessed: 26.02.2025). (in Russ.)
15. Propoved Svjatejshego Patriarha Kirilla v Velikij Chetvertok posle Liturgii v Khrame Khrista Spasitelja [Sermon of His Holiness Patriarch Kirill on Great Thursday after the Liturgy in the Cathedral of Christ the Savior], *Ofitsialnyi portal RPTs (MP) = Official portal of the ROCh (MP)*, 2024, may 2. Available at: <https://www.patriarchia.ru/article/105630> (accessed: 26.02.2025). (in Russ.)
16. *Rus uhodjashchaja: rasskazy mitropolita Pitirima (Nechaeva) o cerkvi, o vremeni i o sebe* [Outgoing Russia: Stories of Metropolitan Pitirim (Nechaev) about the Church, about Time and about Himself], comp. T.L. Aleksandrova i T.V. Suzdal'tseva. Moscow, PSTGU, 2023, 672 p. (in Russ.)
17. Aksakov I.S. *Pisma k rodnym, 1849–1856* [Letters to Relatives, 1849–1856], ed. prepared. [and note. comp.] T.F. Pirozhkova. Moscow, Nauka, 1994, 653 p. (in Russ.)
18. Veresaev V. *V tupike* [At a Dead End]. Moscow, RUGRAM, 2022, 246 p. (in Russ.)

Первозванский Роман Ильич, аспирант, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, romanpervozvan@mail.ru

Roman I. Pervozvanskij, PhD Post-graduate Student, Russian Language Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, romanpervozvan@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2025. Принята к публикации 01.09.2025

The paper was submitted 10.03.2025. Accepted for publication 01.09.2025